

Исторический журнал: научные исследования

Правильная ссылка на статью:

Ларионова М.Б., Разинков С.Л., Заглодина Т.А. Самовольные уходы в системе государственных трудовых резервов: к характеристике «непарадного» портрета учащихся // Исторический журнал: научные исследования. 2024. № 6. DOI: 10.7256/2454-0609.2024.6.72479 EDN: TPEDXK URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72479

Самовольные уходы в системе государственных трудовых резервов: к характеристике «непарадного» портрета учащихся

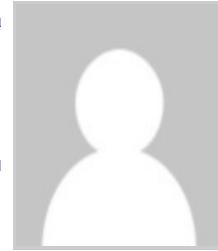
Ларионова Марина Бариевна

ORCID: 0000-0003-4969-0527

кандидат исторических наук

зав. кафедрой документоведения, права, истории и русского языка; Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, оф. 511

✉ marin.lar@mail.ru

Разинков Сергей Львович

ORCID: 0000-0002-0018-7931

кандидат исторических наук

доцент; кафедра теории и истории международных отношений; документоведения, права, истории и русского языка; Уральский федеральный университет; Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, ауд. 509

✉ sergerazinkov@mail.ru

Заглодина Татьяна Алексеевна

ORCID: 0000-0002-1689-1552

кандидат социологических наук

доцент; кафедра философии, социологии и социальной работы; Российский государственный профессионально-педагогический университет

620012, Россия, Свердловская область, г. Екатеринбург, ул. Машиностроителей, 11, оф. 2-429

✉ tz1708@yandex.ru

[Статья из рубрики "Историческая антропология"](#)

DOI:

10.7256/2454-0609.2024.6.72479

EDN:

TPEDXK

-

дата направления статьи в редакцию:

26-11-2024

Дата публикации:

09-12-2024

Аннотация: В статье представлена характеристика «непарадного» портрета учащихся системы государственных трудовых резервов, связанная с распространением в среде учащейся рабочей молодежи самовольных уходов и непосещений занятий как повседневных поведенческих практик. Объектом исследования выступают учащиеся системы государственных трудовых резервов как обособленная социальная группа. Предмет – повседневные поведенческие практики учащихся системы государственных трудовых резервов, выраженные в самовольных уходах, побегах, прогулах. Цель статьи – представить самовольные уходы и непосещение занятий как распространенные поведенческие практики поведения, лежащие в основе выделения социальных типов «непарадного» портрета учащихся системы государственных трудовых резервов («прогульщик» и «дезертир»). Результаты исследования могут использоваться при изучении истории становления системы профессионально-технического образования в СССР, а также исследования социокультурного облика рабочей молодежи периода 1940–1950-х гг. Методология работы основывается на субкультурном подходе в аксиологическом аспекте антропологической концепции, опирающейся на синтез культурологических и социально-исторических подходов многомерности измерения молодежной субкультуры. Научная новизна исследования заключается в выделении социальных типов «непарадного» портрета учащихся системы государственных трудовых резервов – «дезертир» и «прогульщик» – на основе распространенных поведенческих практик, связанных с самовольными уходами и непосещениями занятий. Результаты исследования следующие: 1) доказано, что самовольные уходы и непосещение занятий были широко распространены в социокультурной среде учащихся системы государственных трудовых резервов; 2) определено нескольких форм самовольных уходов и непосещений занятий: это побеги, рассматриваемые как дезертирство, временные самовольные отлучки с возвращением обратно по воле самого учащегося, прогулы учебных занятий и производственных практик, которые могли носить как эпизодический, так и систематический характер и, наконец, опоздания на запланированные правилами распорядка дня мероприятия, включая учебные занятия, физическую зарядку, прогулки и пр.; 3) выделены такие социальные типы, как «дезертир» и «прогульщик», которые легли в основу одного из векторов «непарадного» портрета учащихся системы государственных трудовых резервов.

Ключевые слова:

государственные трудовые резервы, учащиеся, непарадный портрет, школы фабрично-заводского обучения, ремесленные училища, побеги, прогулы учебных занятий, дезертирство, Свердловская область, железнодорожные училища

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РНФ, проект № 23-28-01065 «Непарадный портрет» Данилы Кузьмича: потенциал обновления

системы государственных трудовых резервов в субкультуре учащихся (1940–1950-е гг.).

Формирование системы государственных трудовых резервов, существовавшей в период с 1940 по 1958 гг., сопровождалось появлением новой социальной общности подростков – молодых квалифицированных рабочих, призванных решать кадровые проблемы страны в различных секторах плановой экономики. Учащиеся находились на полном иждивении государства, им предоставляли бесплатное обучение, проживание, питание, одежду. Становление данной группы носило искусственный характер: мобилизация сопровождалась принуждением, установлением жесткого режима и правил внутреннего распорядка, которые наряду с некомфортными бытовыми условиями зачастую не оправдывали ожидания юношей и девушек 14–17 лет. Как следствие, в реальности возникали протестные практики, одной из крайних форм проявления которых явились самовольные уходы или побеги, рассматриваемые как дезертирство.

О самовольных уходах и побегах подростков из учебных заведений государственных трудовых резервов в настоящее время написано немало. Пожалуй, одним из первых, кто обозначил данную проблему, был британский историк Д. Фильцер, который главу своей монографии о положении рабочих в послевоенный период в СССР, посвятил системе трудовых резервов и школам рабочей молодежи [\[19, с. 163–207\]](#), приведя не только статистику побегов, но и обозначая причины снижения числа учащихся, а также давая оценку достоверности приведенных цифр в официальных источниках. Исследователь назвал систему государственных трудовых резервов одним из инструментов, «с помощью которых режим пытался обучать и социализировать рабочую силу» [\[19, с. 180\]](#).

Уральские историки С. П. Постников и М. А. Фельдман, исследуя государственную политику по формированию квалифицированных рабочих кадров на примере Свердловской области как одного из крупных промышленных регионов страны, уделили внимание не только достижениям системы, но и противоречиям, в том числе остановились на недостатках комплектования учебных заведений, трудностях материально-бытового порядка, которые приводили к отчислениям учащихся не только вследствие нарушенных инструкций по зачислению, но и по причине самовольных уходов [\[17, с. 197\]](#). В монографии делаются выводы о том, что «государственные трудовые резервы были сложным, противоречивым образованием, их организация явилась воплощением тенденции усиления централизации управления и командных методов подготовки рабочих кадров...» [\[17, с. 202\]](#), но «не решило противоречия между ростом технической оснащенности промышленных предприятий и сравнительно низким уровнем квалификации рабочих», хотя «парадокс системы трудовых резервов в том, что они создали видимость своей эффективности за счет бесперебойного централизованного обеспечения народного хозяйства рабочей силой» [\[17, с. 203\]](#).

В настоящее время, изучая опыт проведения мобилизационной политики на примере Уральского региона в целом [\[21\]](#), на материалах Свердловской [\[8\]](#) и Волгоградской областей [\[22\]](#), специалисты отмечают, что причиной отчисления учащихся были в том числе самовольные уходы или побеги. Д. Ю. Мешков рассматривал советскую политику в области трудовых ресурсов в послевоенной время и писал, что массовое бегство и повышенная преступность свидетельствовали о неблагоприятной ситуации внутри ученических коллективов [\[13, с. 228\]](#). Так, по его данным, в 1946 г. в Свердловской области самовольно остались учебу почти 20 % учащихся трудовых резервов, отдельные учебные заведения потеряли при этом более половины своего состава [\[13, с. 228\]](#).

Имеются отдельные работы, посвященные военной повседневности учащихся, включая нарушение дисциплины, хулиганские проявления и самовольные уходы, которые реконструированы на примере учебных заведений государственных трудовых резервов, располагавшихся в Московской [1] и Пермской областях [10] и Хабаровском крае [4].

Проблема самовольных уходов воспитанников государственных трудовых резервов Чкаловской области обозначена в работе Д. Р. Хисамутдинова. Автор отметил, что эти процессы начались уже в первые месяцы призыва учащихся, в качестве причин указал «невнимание и безответственное отношение к призванным». Пик побегов, по его данным, в Чкаловской области из системы учебных заведений приходился на 1942 год [20, с. 228]. Наконец, самовольные уходы с предприятий рабочей молодежи в возрасте от 16 до 25 лет представлены как одна из форм девиантного трудового поведения, они «фиксировались повсеместно и носили массовый характер» [7, с. 127]. Проблема дезертирства на оборонных предприятиях Пензенской области в 1942–1944 гг. была обозначена В. Ю. Кладовым, отмечен юный возраст дезертиrov (среди которых были и выпускники учебных заведений трудовых резервов) – от 16 до 25 лет [9]. Советские законы о дезертирстве и промышленный детский труд во время Второй мировой войны попали в поле зрения историка Ольги Кучеренко [25].

Вместе с тем говорить об изученности и полной картине статистики самовольных уходов и причин, побуждавших к этому, в настоящее время не приходится, как и о рассмотрении данного явления в разрезе существовавших поведенческих практик как части социального портрета учащихся.

Под портретом учащихся системы трудовых резервов мы понимаем набор социокультурных маркеров (социально-демографические особенности, культурные ценности и ментальные характеристики, поведенческие практики, внешний облик), рассматриваемых в разрезе «парадности» (характеристики, нормы и образцы поведения учащихся, официально установленные политическими и социальными институтами (Правилами внутреннего трудового распорядка) и «непарадности» (системы отклоняющихся от парадного портreta устойчивых культурных ценностей и поведенческих практик учащихся) [11]. Выделенные маркеры как совокупность характерных черт поведения и поступков, а также ментальных установок вырисовываются в некие устойчивые, целостные образы, так называемые социальные типы.

Цель статьи – представить самовольные уходы и непосещение занятий как распространенные поведенческие практики поведения, лежащие в основе выделения социальных типов «непарадного» портreta учащихся системы государственных трудовых резервов («прогульщик» и «дезертир»).

Методология работы при выделении типов базируется на субкультурном подходе в аксиологическом аспекте антропологической концепции [16; 5; 12], опирающейся на синтез культурологических и социально-исторических подходов многомерности измерения молодежной субкультуры [14]. Теория практик [2; 18; 24] позволяет выделить реальные действия в контексте жизненного мира [23] подростков, сформированных и формируемых структур повседневности [15] обучающихся системы государственных трудовых резервов. Наконец, теория социального действия М. Вебера как «определенный набор поступков, средств, методов», направленных на «изменение поведения, взглядов и стремлений индивидов и общностей» [3, с. 602–603] выделяет

социальные типы поведения обучающихся как части субкультуры подростков – будущих молодых рабочих.

Источниковую базу исследования составили делопроизводственные, официальные документы (приказы, письма, протоколы заседаний, стенограммы совещаний и пр.), сохранившиеся в федеральных и региональных архивах, как результат деятельности центральных и региональных органов управления трудовыми резервами, партийных и комсомольских собраний, фиксирующих реальную жизненную ситуацию в учебных заведениях системы трудовых резервов.

Зачисленных учащихся в учебные заведения государственных трудовых резервов обязывали «упорно и настойчиво учиться, чтобы стать квалифицированными и культурными рабочими и принести как можно больше пользы своей Советской Родине»^[1]. Однако на практике ситуация была сложной и неоднозначной, отличалась в зависимости от типов учебных заведений (школы ФЗО, ремесленные, железнодорожные училища, горнозаводские школы), руководящего состава, созданных условий и, наконец, представлений самого обучающегося и его способностей к освоению профессии.

Ученые уже отмечали, что практически сразу же при выполнении плановых показателей зачисления учащихся руководство учебных заведений государственных трудовых резервов столкнулось с побегами, процент которых был значителен. По сведениям С. П. Постникова и М. Фельдмана на 20 декабря 1940 г. в Пермской области отсутствовало 358 учащихся, что составило 3,5 %, из них сбежало 191 человек. В Челябинской области на 16 декабря 1940 г. отсутствовало 7,1 % учащихся от числа зачисленных. За месяц 1940 г. ушло 17 173 человека, что составило 3 % всех учащихся ^[17, с. 197]. По мнению указанных выше авторов, именно значительные цифры побегов и угроза срыва внедряемого проекта по подготовке квалифицированных рабочих для решения проблем плановой экономики и привели к принятию решения о подписании 28 декабря 1940 г. Указа «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)», предусматривающего «по приговору суда к заключению в трудовые колонии сроком до одного года». И уже только за январь 1941 г. по неполным данным привлекли к судебной ответственности 582 ученика, из которых только 10 оправдали ^[17, с. 197]. К лету 1941 г. из школ ФЗО Челябинской области были осуждены 67 подростков, по Свердловской области – 58. ^[17, с. 198].

Изучение делопроизводственной сохранившейся документации в федеральных и региональных архивах, содержащей цифры самовольно сбежавших учащихся системы государственных трудовых резервов, показывает определенную противоречивость статистических показателей.

Прежде всего можно говорить о сводных данных по СССР только одного периода существования государственных трудовых резервов – с 1944 по 1948 г. Сведения эти приведены в таблицах 1 и 2.

Так Д. Фильцер на основе архивных документов показывает текучесть учащихся системы трудовых резервов в 1944–1948 гг. следующим образом ^[19, с. 170]:

Таблица 1 – Численность учащихся, покинувших систему государственных трудовых резервов в 1944–1948 гг.

		Общее число учащихся, покинувших систему (без учета возвращенных), чел.	Число покинувших систему (в процентах от общего числа учащихся)	Число учащихся, самовольно оставивших учебу (без учета возвращенных), чел.	Число самовольно оставивших учебу (в процентах от общего числа учащихся)
1944 г.	Всего	165700	12,9	89000	6,9
	В т. ч. ФЗО	89600	13,9	55100	8,6
	В т. ч. РУ и ЖУ	76100	11,9	33900	5,3
1945 г.	Всего	98200	8,2	47000	3,9
	В т. ч. ФЗО	51100	8,8	28900	5,0
	В т. ч. РУ и ЖУ	47100	7,6	18100	2,9
1946 г.	Всего	72200	5,7	31500	2,5
	В т. ч. ФЗО	42000	6,6	20700	3,3
	В т. ч. РУ и ЖУ	30200	4,9	10800	1,7
1947 г.	Всего	119900	6,1	80700	4,1
	В т. ч. ФЗО	96600	7,8	69200	5,6
	В т. ч. РУ и ЖУ	23300	3,2	11500	1,6
1948 г.	Всего	75290	3,95	46480	2,4
	В т. ч. ФЗО	61930	5,4	41110	3,6
	В т. ч. РУ и ЖУ	13360	1,7	5370	0,7

В соответствии со справкой Министерства трудовых резервов СССР о количестве выбывших из школ ФЗО и училищ за 1946–1947 гг. и 1 квартал 1948 г. имеем такие показатели [2]:

Таблица 2 – Численность учащихся, покинувших систему государственных трудовых резервов в 1946–1947 гг. и 1 квартал 1948 г.

	Всего выбыло	В том числе						%
		Само-вольно ушло	В т. ч. с учетом возврата	Исключено за грубое нарушение правил	По болезни	Отчислено по распоряжению МТР	По другим причинам	
1946 г.								
Всего по СССР	106037	65391	31537	9728	16354	-	14564	2,4
В т. ч. школы ФЗО	68357	47051	20727	5268	10304	-	5734	3,2
Училища	37680	18340	10810	4460	6050	-	8830	1,7
1947 г.								
Всего по СССР	152691	113462	80675	17775	17486	3968	-	4,1
В т. ч. школы ФЗО	123951	96543	69147	11319	13811	2278	-	5,6
Училища	28740	16919	11528	6456	3675	1690	-	1,6
1 квартал 1948 г.								
Всего по СССР	28323	17323	10574	4186	5897	917	-	0,9
В т. ч. школы ФЗО	22419	14209	8407	2693	4843	674	-	1,2
Училища	5904	3114	2167	1493	1054	243	-	0,4

В обеих таблицах приведены сведения из официально сохранившихся документов, и совершенно очевидно, что информация за 1946 и 1947 гг. не совпадает в цифровых выражениях, при этом процентное соотношение практически одинаково. Из цифр видно, что больше всего побегов приходится на школы ФЗО и меньше на ремесленные училища. Сравнение в процентном соотношении показывает, что в послевоенный период начался процесс снижения самовольных уходов. Средние показатели побегов могли существенно варьироваться и в разных регионах. Так, например, в таблице 3 приведены данные Управления трудовыми резервами Свердловской области, в которых процент самовольных уходов и побегов значительно выше, чем в целом по стране.

Таблица 3 – Справка о движении контингента ремесленных

училищ и школ ФЗО Свердловской области за 1941–1944 гг.^[3]

		РУ и ЖУ	Школы ФЗО	Всего	В процентном соотношении ^[4]
1941 г.	Обучалось на 1.1.1941	8400	8360	16760	
	Выпущено на предприятие	2455	13917	16732	
	Самовольно ушло	878	2174	3052	5,4
1942 г.	Обучалось на	19500	9786	29386	

	1.1.1942				
	Выпущено на предприятие	14763	22236	36999	
	Самовольно ушло	2440	2194	4634	15,7
1943 г.	Обучалось на 1.1.1943	20442	11875	32317	
	Выпущено на предприятие	4981	32349	37330	
	Самовольно ушло	4796	26463	7442	23,0
1-я половина 1944 г.	Обучалось на 1.1.1941	21039	10627	31716	
	Выпущено на предприятие	2085	1040	1245	
	Самовольно ушло	635	996	1637	5,1
Всего выпущено	Выпущено на предприятие	24294	78902	103196	
Самовольно ушло	Самовольно ушло	8749	8010	16759	16,2

Из таблицы 3 видно, что пик побегов в Свердловской области приходится на 1943 г., в то же время общий процент самовольно ушедших за первые три года Отечественной войны и первую половину четвертого года составил 16,2 %, что является значимым и свидетельствует о существовании проблем в организации обучения учащихся в учебных заведениях Свердловской области.

В последующий период Министерство трудовых резервов СССР уже не составляло подобных сводных таблиц, перешли на аналитические отчеты или справки, либо письма, содержащие, с одной стороны, цифры конкретного календарного периода, с другой – сведения, которые сложно сравнить друг с другом, в силу разных выборки и оснований в разрезе учебных заведений, управлений, количества учащихся. Приведем выдержки из сохранившихся архивных документов.

Согласно информации о политико-моральном состоянии учащихся и работников ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО в 1945 г., из школы ФЗО в Гомельской области дезертировало 57 человек; из РУ и школ ФЗО Витебской области – 29 человек; из РУ, ЖУ и школ ФЗО Чувашской АССР – 20 человек. Подобные случаи отмечались в учебных заведениях Грозненской, Свердловской, Винницкой, Полтавской, Днепропетровской и Рязанской областей^[5]. Особо была выделена ситуация в ФЗО № 36 Свердловской области, где самовольно оставили школу 47 человек^[6].

В 1948 г. министр трудовых резервов В. П. Пронин отправил письмо начальнику Главного управления школ ФЗО и училищ Центральных и Южных районов, в котором отметил, что «за январь месяц в местных управлениях Вашего Главного управления самовольно выбыло 1322 учащихся, исключено за нарушение правил внутреннего распорядка и поведения учащихся 330 человек, отчислено по болезни 445 человек, переведено из одного учебного заведения в другое 479»^[7]. В подобном письме, но уже начальнику Главного управления школ ФЗО и училищ Урала, Сибири и Дальнего Востока, отмечалось, что за тот же период «самовольно выбыло 1580 учащихся, исключено за нарушение правил внутреннего распорядка и поведения учащихся 472 человек, отчислено по болезни 919, переведено из одного учебного заведения в другое 803». Особенно неблагополучно положение с текучестью в Кемеровской, Курганской,

Новосибирском, Удмуртском и Челябинском управлениях^[8].

В апреле 1949 г. Управление милиции Министерства внутренних дел составило письмо в Министерство трудовых резервов СССР, в котором указано, что в 1948 г. органами милиции задержано 11 449 учеников, бежавших из ремесленных училищ и школ ФЗО. Причинами побегов из школ и училищ являются «неупорядоченность материально-бытовых условий и слабая постановка воспитательной работы». В этом же письме приводились конкретные примеры: за декабрь 1948 г. из школы ФЗО № 87 г. Днепропетровска дезертировало 107 человек, из школы № 31 – 31^[9], за декабрь 1948 г. из Эстонской ССР школы ФЗО № 18 поселка Ахты сбежало 18 учащихся, из ФЗО № 8 поселка шахты Кукрузе – 6 подростков, из ремесленного училища № 7 города Вильянди – 4 человека, из училища № 10 гор. Кохтла-Ярве – 7^[10]. А из школы ФЗО № 5 города Шахты Ростовской области в четвертом квартале из 500 учащихся бежало 130 учеников^[11].

В справке от 07 июля 1950 г. «Об исключениях учащихся из учебных заведений Министерства трудовых резервов за грубое нарушение Правил внутреннего распорядка и поведения в 1 квартале 1950 года» отмечено, что в ходе выборочной проверки 18 местных управлений, но без указания каких именно, исключено 298 человек, при этом в целом по стране – 1713 человек, то есть в документе сведения конкретизированы только к 17 % исключенных от общего количества. Из этих 298 человек 40 отчислили за дезертирство, что составляет 13 % указанной выборки^[12].

В апреле 1955 г. прокурор СССР в письме в Главное Управление трудовых резервов отмечал, что «продолжает оставаться значительным количество задержанных органами милиции и доставленных в детские комнаты и приемники-распределители учащихся, бежавших из ремесленных училищ и школ ФЗО». По сведениям Главного Управления милиции, по РСФСР в 1952 г. было задержано 2132 бежавших учащихся, в 1953 г. – 5020 человек, в 1954 г. – 4732. В качестве причин побегов также отмечались «неудовлетворительные бытовые условия и плохая постановка воспитательной работы и производственного обучения»^[13].

В письме председателю ЦК Профсоюза рабочих строительства министр Г. Зеленко отметил, что за 5 месяцев 1955 г. самовольно покинули строительные школы 1283 учащихся^[14].

Министерство трудовых резервов продолжало курировать своих подопечных и после окончания ими учебных заведений и направления на предприятия. И здесь отмечались факты совершения побегов. Так в апреле 1947 г. из школы ФЗО № 33 Белорусской ССР было передано на первую обувную фабрику 150 учеников, с апреля по сентябрь из них сбежало 47 подростков^[15], а из 108 подростков, отправленных из РУ № 18 в городе Таганроге, сбежало 34^[16]. С июня по ноябрь 1947 г. с Алма-Атинской хлопко-прядильной фабрики из 265 молодых рабочих, направленных школой ФЗО № 6, дезертировало 85 человек. С военного строительства № 354 в ноябре 1947 г. из 60 молодых рабочих, окончивших школу ФЗО № 90, бежало по тем же причинам 10 человек^[17].

Наконец, часть сохранившихся архивных документов на уровне отдельных управлений отличает детализация за конкретные годы и полное отсутствует информация за другие. Например, в Свердловской области в отчете за первую половину 1944 г. отмечено, что

произошло снижение отчислений по сравнению с таким же периодом предыдущего года: за 1-е полугодие 1943 г. выбыло до окончания срока обучения 3916 человек, в том числе ушло самовольно 1962 человека, а за 1 полугодие 1944 года выбыло 884 чел., в том числе ушло самовольно 806^[18]. Но процент самовольных уходов к числу отчисленных наоборот увеличился: в первом полугодии 1943 г. составил 50%, а в первом полугодии 1944 г. – 91 %. За первый квартал 1944 г. в Свердловской области ушло по неуважительным причинам из РУ № 1 52 человека, РУ № 2 – 7 человек, РУ № 18 – 37 человек, школы ФЗО № 6 – 72 человека, школы ФЗО № 27 – 30 человек, школы ФЗО № 33 – 69 человек^[19].

В таблицах 4 и 5 приведены цифры самовольных уходов в разрезе лучших учебных заведений Свердловской области с наименьшим процентом сбежавших и худших – с наибольшим процентом.

Таблица 4 – Список лучших училищ Свердловской области

по сохранению контингента на начало 1944 г.^[20]

№ № п/п	Наименование училища	Контингент на 1.1.1944	Самовольно ушли за полугодие	
			количество	%
1	Серовское РУ № 5	1004	10	1,0
2	Нижнетагильское РУ № 9	524	5	0,9
3	Серовское РУ № 10	480	8	1,7
4	Баранчинское РУ № 13	499	7	1,4
5	Кировградское РУ № 14	756	3	0,4
6	Егоршинское РУ № 16	374	3	0,8
7	Верхнетуринское РУ № 19	673	4	0,6
8	Свердловское РУ № 21	503	2	0,4
9	Каменское РУ № 30	213	2	0,9

Таблица 5 – Список училищ Свердловской области, имеющих наибольшее количество самовольных уходов на начало 1944 г.^[21]

№ № п/п	Наименование училища	Контингент на 1.1.1944	Самовольно ушли за полугодие	
			количество	%
1	Свердловское РУ № 1	1310	101	7,7
2	Первоуральское РУ № 17	276	18	6,6
3	Полевское РУ № 15	562	46	8,4
4	Свердловское РУ № 18	675	77	11,3
5	Нижнеуткинское РУ № 22	241	20	8,3
6	Первоуральское РУ № 24	289	28	9,7
7	Свердловское РУ № 31	384	32	8,3
8	Красноуфимское РУ № 37	254	29	11,4

За 1945–1946 гг. из ремесленных, железнодорожных училищ Свердловской области (по состоянию на 1 мая 1946 года) выбыло по разным причинам 1805 человек, в том числе самовольно ушло 935. Самовольные уходы из ремесленных и железнодорожных училищ составляют 6,7 %.^[22] Из школ ФЗО Свердловской области выбыло по разным причинам 4060 человек, в том числе: самовольно ушло – 2180. Самовольный уход из школ ФЗО

составляет – 15, 2 %. За 1 квартал 1946 г. в Первоуральской школе ФЗО № 71 самовольно ушло 47 человек^[23]; из школы ФЗО № 21 – 59 человек, из них за март месяц 42 человека, в том числе комсомольцев 8 человек^[24]. Наибольшее число таких уходов происходит из школ ФЗО, организованных на базе предприятий министерства черной металлургии, из которых за 1945 год и 5 месяцев 1946 года сбежало 1631 человек или 52,3 % к числу самовольно ушедших из училищ и школ ФЗО области. В таблице 6 представлены сведения о школах ФЗО Свердловской области с наибольшим числом сбежавших учеников.

Особенно сложная ситуация с сохранением контингента в 1945–1946 гг. складывалась в школах ФЗО и ремесленных училищах Свердловской области, представленных в таблице 6^[25].

Таблица 6 – Перечень школ ФЗО и ремесленных училищ Свердловской области с контингентом самовольно ушедшим в 1945–1946 гг.

№№ п/п	Наименование школ ФЗО и ремесленных училищ	Имелось на лицо учащихся на 1.IV-46 г.	Самовольно ушло с 1. XI-45 г. по 1.IX-46 г.
1	Первоуральская школа ФЗО № 71	190	179
2	Дегтярская школа ФЗО № 3	105	101
3	Березовская школа № 10	128	85
4	Первоуральская школа № 21	150	79
5	Первоуральская школа № 36	28	72
6	Гороблагодатская № 18	110	67
7	Каменская школа № 35	161	56
8	Северская школа № 42	157	56
9	Ревдинская школа № 20	134	43
10	Богословская школа № 81	73	42
11	Северская школа № 23	187	40
12	Нижнеколинская школа № 55	158	40
13	Нижнетагильское РУ № 25	678	39
14	Полевское РУ № 15	351	37
15	Свердловское РУ № 3	404	32
16	Первоуральское РУ № 17	153	29
17	Свердловское РУ № 18	600	27
18	Серовское РУ № 5	586	23
19	Школа ФЗО № 18 на базе рудника горы Благодать	182	87
20	Школа ФЗО № 35 на базе завода № 705 в городе Каменске	198	78
21	Школа ФЗО № 3 на базе Дегтярского рудника	200	100

В 1947 г. школы ФЗО Свердловской области не выпустили 189 человек по разным причинам. Из них самовольно ушло 72 человека, в том числе из Первоуральской школы ФЗО № 71 – 18 человек, из Свердловской школы ФЗО № 29 – 23 человека, из Нижнетагильской школы ФЗО № 12 – 24 человека; меньшие цифры были из других

учебных заведений^[26]. В соответствии с отчетом в 1948 г., выбыло из учебных заведений Свердловской области 570 человек, из которых самовольно ушло 325^[27].

Текущесть учащихся в регионе продолжала оставаться высокой. За 11 месяцев 1950 г. из ремесленных училищ Свердловской области выбыло 6,6 % учащихся, а из школ ФЗО – 17,9 %. Так, например, из горнoprомышленной школы № 1 города Карпинска сбежали 41 учащийся, из Северской школы ФЗО № 42 – 18. В результате текущести учащихся из училищ и школ трудовых резервов в 1950 г. недодано промышленности и стройкам области 1500 молодых рабочих^[28].

В целом основные причины самовольных уходов и побегов – «ужасные условия учебы и проживания» [Фильцер, с. 172] – подтверждаются массовыми упоминаниями в официальных документах и самими учащимися. Например, отложились выдержки из писем подростков, датированные 1944 г., авторы которых сообщают реальную картину в учебных заведениях: «...Из-за бездушного отношения к бытовым условиям рабочих, особенно ФЗУшников, есть массовый побег, самопроизвольное оставление работы. Из поступивших 85 человек сбежало 15 человек. Одного из сбежавших Булдыгина нам удалось обнаружить и на судья г. Железнодорожного осудил 17-летнего юношу к тюремному заключению...»^[29]. На станции Брянск в строительный школе «из 45 человек осталось только пять человек, а остальные сбежали»^[30], а из общежития школы ФЗО № 15 Ярославской области из комнаты «убежало 11 человек, мы тоже хотим бежать, все обовшивели, так как ещё ни разу не ходили в баню, как приехали из дома»^[31]. Другая причина самовольных уходов, отмеченная в официальных документах, – «низкая производственная и внешкольная дисциплина»^[32], а также отсутствие или плохая организация политico-массовой и культурно-воспитательной работы^[6]. При этом «текущесть, побеги, самовольные уходы» носили сезонный характер и увеличивались с наступлением «весеннего и летнего периода»^[33]. Управление трудовых резервов Свердловской области, проанализировав причины побегов в 1948 г., отметило еще одну, связанную с мобилизационной политикой государства и направление в область учащихся из других регионов: «подавляющее большинство самовольных уходов, – отмечено в отчете, – относится за счет молодежи, завезенной из других областей», поэтому основной причиной явилось «отсутствие постоянных областей – республик для проведения мобилизации молодежи, что не дает возможности установить постоянную связь с родителями прибывающей молодежи и создать кадры мастеров и воспитателей тех национальностей, из которых завозится молодежь»^[34].

Приведенные сведения показывают, что, во-первых, нет целостной картины текущести учащихся как в целом по стране, так и по отдельным регионам в частности. Во-вторых, сохранившиеся цифры не позволяют провести сравнительных анализ не только в силу их разрозненности, но и отсутствия единства показателей. В-третьих, уровень детализации отдельных случаев позволяет говорить о частных случаях, не выходя на уровень обобщений, типичности/нетипичности применительно к конкретному региону и стране в целом. Наконец, проблема достоверности официальных данных сокращения числа учащихся, в том числе из-за побегов, рассматриваемых как дезертирство, тоже имеет место быть. Еще Д. Фильцер писал о серьезных искажениях официальной статистики и занижении цифр, основной причиной выделяя «банальный обман» директоров учебных заведений [Фильцер, с. 172].

Однако, несмотря на обозначенные проблемы низкого уровня релевантности и достоверности сохранившихся сведений о самовольных уходах учащихся, можно

утверждать, что побеги имели место на протяжении всего периода существования системы государственных трудовых резервов. Руководство пыталось контролировать ситуацию и направляло все усилия на их сокращение, но даже уголовная ответственность по принятому 28 декабря 1940 г. Указу «Об ответственности учащихся ремесленных, железнодорожных училищ и школ ФЗО за нарушение дисциплины и за самовольный уход из училища (школы)», предусматривающему «по приговору суда к заключению в трудовые колонии сроком до одного года», и реальные случаи его применения и осуждения пойманных беглецов, не останавливала подростков.

Самовольные уходы могут быть рассмотрены как самая крайняя, но массово распространенная протестная практика, направленная прежде всего против «жуткого бытового» уровня проживания, плохого питания и «ужасных условий учебы».

Официальные документы фиксируют и другие формы самовольных уходов учащихся без предупреждения руководства. Такие отлучки могли быть как во время занятий, так и в свободное время, чаще в праздники, либо выходные дни. Это могли быть коллективные уходы, целыми группами учащихся. В составленной сектором политинформации Главного управления трудовых резервов справке на основании предоставленной с мест за 1945 г. информации отмечено, что «самовольные отлучки учащихся на несколько дней также отмечаются по целому ряду управлений трудовых резервов (Херсонское, Московское городское, Псковское, Чкаловское в др.). Наиболее характерным является Ульяновское областное управление, где за май было 100 самовольных отлучек»^[35]. В июне 1948 г. в Ростовской области при помощи милиции работники школы ФЗО № 52 в г. Шахты задержали группу самовольно ушедших учащихся в количестве 13 человек^[36].

Но чаще имели место индивидуальные уходы, временные побеги от нескольких часов до нескольких дней, которые зачастую даже оставались не замеченными, потому что учащиеся возвращались обратно и продолжали выполнять свои обязанности, если бы не происшествия, которые с ними случались в ходе таких самовольных отлучек и которые заканчивались трагически: либо инвалидностью, либо летальным исходом, сопровождающимся расследованием со стороны правоохранительных органов. Жесткая фиксация происшествий в официальных документах и контроль со стороны Управления позволяет увидеть их конкретные проявления.

В марте 1947 г. Свердловское облуправление министерства трудовых резервов отмечало, что в училищах и школах ФЗО Свердловской области «участились несчастные случаи с учащимися, как связанные с производством, так и в быту, нередко со смертельным исходом», зафиксировано, что самовольные уходы учащихся РУ № 3, № 5, № 7 и № 13 привели к несчастным случаям на транспорте, ребята «попадали под колеса вагонов и получали серьезныеувечья»^[37]. Три несчастных случая произошли во второй половине 1947 г.: 5 октября учащийся РУ № 9 был «зарезан трамваем»; 25 октября учащийся школы ФЗО № 60 самовольно отлучился из школы, проехал на трамвае между вагонами и получил тяжёлую травму; 8 ноября учащийся школы ФЗО № 22 «катался на перилах лестницы, упал с них на лестничной клетке общежитие и разбился насмерть»^[38].

Несколько несчастных случаев из-за отсутствия контроля и самовольных отлучек зафиксировано в документах за 1948 г., большинство из которых связано с происшествиями на воде: так, 6 мая пять учащихся ремесленного училища № 40 самовольно ушли на реку, где во время купания утонул ученик^[39]; 26 мая после окончания занятий учащихся отправили самостоятельно на обед, после которого один из

них ушёл на станцию Новая Ляля, сел на крышу товарного поезда и уехал на станцию Лобва, при подъезде к мосту через реку Ляля поднялся, с целью перейти на другой вагон, и в это время его ударило о переплёт фермы моста, был убит насмерть [40]; 29 июля учащихся ремесленного училища № 33 самостоятельно отправили на обед, но из-за «большого скопления» в столовой вся группа во главе со старостой, «без всякого на это разрешения ушли купаться», во время которого с одной из учащейся «случился припадок, она болела эпилепсией и утонула» [41]; 6 июня группа учащихся ремесленного училища № 45 из Верхней Тавды после завтрака пошли купаться и один из них, несмотря на то, что отлично плавал, «не доплыл 4 м. до берега, стал тонуть» и утонул из-за не оказанной помощи [42].

Подобные несчастные случаи на воде и в результате безбилетного проезда домой на крышах вагонов зафиксированы и в 1949 г.: 14 июля во время самовольного купания утонул учащийся школы ФЗО № 3 города Чусовой [43]; 11 июня учащийся железнодорожного училища № 2 г. Красноуфимска «самовольно уехал к родным. При проезде на крыше вагона железнодорожного поезда был убит фермой моста», в этом же училище 21 июня другой подросток самовольно ушел купаться и утонул [44]; 22 июня учащийся ремесленного училища № 16 самовольно ушел купаться и утонул [45]; 24 июля учащийся школы ФЗО № 4 решил самовольно уехать в Североуральск, при посадке на ходу поезда оборвался, попал под вагон, ему отрезало ногу, был доставлен в больницу, но вскоре умер [46]; 17 сентября учащийся Камышловского железнодорожного училища № 1 без разрешения уехал к маме на станцию Пышминская, пробыл у нее до 21-00 часа и поехал обратно, без билета. Чтобы сесть на подножку поезда, стал перебегать и запнулся о рельсы, упал, получил ампутацию ноги и травму головы, в бессознательном состоянии был снят с поезда и отправлен в больницу, где скончался [47]; 25 сентября учащаяся без разрешения ушла из РУ № 35, при возвращении села на попутную машину, при подъезде спрыгнула и сломала себе ногу [48]. В ходе проверки в результате несчастного случая с учащимся ремесленного училища № 15 установлено, что подобные самовольные отлучки «приняли систематический характер. Учет посещаемости занятий учащимися, движение контингента и заполнение поименной книги ведется неудовлетворительно, причины отсутствия учащихся на занятиях не выясняются и меры для скорейшего их устранения не принимаются» [49]. Подобное было во многих учебных заведениях Свердловской области.

Указанные случаи только за два года, 1948 и 1949, были типичными и фиксировались ежегодно и показывают, что установленные правила распорядка не соблюдались, а масштабы самовольных уходов можно только предположить из-за отсутствия контроля за деятельностью учащихся не только во внеучебного времени, но и во время посещения учебных занятий и производственного обучения.

Поэтому еще одной формой нарушений принятого распорядка явились самовольные отсутствия на учебных занятиях, которые можно расценивать как прогулы без каких-либо уважительных причин, а также опоздания на занятия, зафиксированные в делопроизводственной документации, но уже более позднего периода существования государственных трудовых резервов, когда удалось более-менее стабилизировать ситуацию с самовольными побегами. Так в 1950 г. в ходе проверки Свердловской школы ФЗО № 35 было отмечено, что на занятиях отсутствует дисциплина, некоторые учащиеся «в часы занятий гуляют по городу, находясь без дела, или выполняют посторонние работы», а 6 июня целая группа столяров из этой школы вместо занятий в ДОКе треста

Уралстройпуть «занимались погрузкой вагонов». Выяснилось, что «простой за период обучения по школе» составлял 72 чел/дня, а потери учебного времени – 9008 чел/час или 60 часов на одного учащегося. При этом учет занятий «велся небрежно и неполно»[\[50\]](#). Подобное было отмечено в отчете за 1952 г., когда в ходе проверки деятельности специального училища № 25 в г. Горький подчеркнуто, что «3 мая на занятиях отсутствовал 61 учащийся, 5 мая – 26 учащихся. С 27 апреля по 5 мая в этом училище сорвали 3 урока»[\[51\]](#). Бюро райкома КПСС в ходе очередного контроля в 1956 г. указало, что в училище механизации сельского хозяйства № 9 Свердловской области есть случаи непосещения занятий и опоздания со стороны отдельных учащихся. Так, за декабрь 1955 г. пропуски занятий учащимися без уважительных причин составляют 798 часов, а успеваемость по училищу – 90,8 %»[\[52\]](#).

Контроль таких отлучек, как и наказаний, ложился полностью на руководство учебного заведения. Так, например, в 1941 г. в ленинградском ремесленном училище № 57 учащийся за самовольный уход с занятий был поставлен в угол мастером[\[53\]](#). Отмечены случаи рукоприкладства и применения физической силы, нарядов, лишения питания (например, в РУ № 55 г. Москвы) со стороны мастеров производственного обучения и преподавателей и руководства учебных заведений. А в ремесленном училище № 22 г. Загорска Московской области директор в феврале 1948 г. «заставил учащегося слизать языком якобы написанное им нецензурное слово с дверей уборной, а куривших сигареты учащихся заставил их сжевать и проглотить»[\[54\]](#).

Причины прогулов обусловлены различными факторами: недовольством и несамостоятельностью «выбора» будущей профессии; необеспеченностью спецодеждой и обувью; неудовлетворительными жилищно-бытовыми условиями; физическими и психологическими особенностями самих учащихся; принадлежностью учащегося к определенной субкультуре и групповым давлением; слабым надзором и контролем со стороны администрации; а также применением непедагогических методов работы с подростками. Исходя из мотивов, побуждавших учащихся к прогулам и опозданиям, можно говорить о выделения в среде обучающихся такой поведенческой практики, как прогулы и опоздания.

Таким образом, мы видим, что самовольные уходы и непосещение занятий среди учащихся системы государственных трудовых резервов были широко распространены как повседневные поведенческие практики. Возможно выделить несколько форм их проявления: побеги, рассматриваемые как дезертирство, временные самовольные отлучки с возвращением обратно по воле самого учащегося, прогулы учебных занятий и производственных практик, которые могли носить как эпизодический, так и систематический характер и, наконец, опоздания на запланированные правилами распорядка дня мероприятия, включая учебные занятия, физическую зарядку, прогулки и пр.

Бессспорно, различные формы самовольных уходов и непосещений занятий являются проявлением «непарадности» в среде учащихся с позиции отношения к учебе, выражаясь в желании и намерении учащихся соблюдать (или, наоборот, не соблюдать) базовые принципы пребывания в учебных заведениях. Обобщение поведенческих практик, связанных с побегами и пропусками занятий, позволило выделить такие социальные типы как «дезертир» и «прогульщик», которые и легли в основу одного из векторов «непарадного» портрета учащихся.

Примечания:

- [1] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 20. Л. 1.
- [2] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 196. Л. 99.
- [3] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 16. Л. 49.
- [4] Подсчет авторов.
- [5] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 120. Л. 158.
- [6] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 120. Л. 158.
- [7] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 84. Л. 14.
- [8] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 84. Л. 22.
- [9] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 236. Л. 117.
- [10] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 236. Л. 118.
- [11] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 236. Л. 119.
- [12] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 212. Л. 81.
- [13] ГАРФ.Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 382. Л. 88.
- [14] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 382. Л. 92–93.
- [15] ГАРФ. Ф. Р-9507.Оп. 5. Д. 177. Л. 56.
- [16] ГАРФ. Ф. Р-9507.Оп. 5. Д. 177. Л. 56.
- [17] ГАРФ. Ф. Р-9507.Оп. 5. Д. 177. Л. 57.
- [18] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 13. Л. 31.
- [19] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 13. Л. 31 об.
- [20] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 13. Л. 31 об.
- [21] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 1. Д. 13. Л. 31 об.
- [22] ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 112–122.
- [23] ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 83–93.
- [24] ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 83–93.
- [25] ЦДООСО. Ф. 236. Оп. 5. Д. 82. Л. 5–5 об., 112–122.
- [26] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 12. Л. 8–8 об.
- [27] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 15. Л. 12–12 об.

[28] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 19. Л. 4–8.

[29] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 201. Л. 161.

[30] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 201. Л. 163.

[31] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 93. Л. 51.

[32] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 382. Л. 88.

[33] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 6. Л. 70.

[34] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 15. Л. 12–12 об.

[35] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 120. Л. 158.

[36] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 196. Л. 108

[37] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 11. Л. 6.

[38] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 11. Л. 26 об.

[39] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 14. Л. 16.

[40] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 14. Л. 24.

[41] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 14. Л. 26.

[42] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 14. Л. 27.

[43] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 237. Л. 330.

[44] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 16. Л. 12

[45] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 16. Л. 13

[46] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 16. Л. 15.

[47] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 16. Л. 19

[48] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 16. Л. 21.

[49] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 16. Л. 25–27.

[50] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 18. Л. 35.

[51] ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 2. Д. 348. Л. 53.

[52] ГАСО. Ф. Р-2033. Оп. 3. Д. 24. Л. 4–5.

[53] О мероприятиях по улучшению учебно-производственной и воспитательной работы в школах фабрично-заводского обучения, ремесленных и железнодорожных училищах [Текст] / Глав. упр. труд. резервов при СНК СССР. М.: [б. и.], 1941. С. 1–2, 8–15.

[\[54\]](#) ГАРФ. Ф. Р-9507. Оп. 5. Д. 196. Л. 109.

Библиография

1. Анисимова Н. Э. Подростки на московских предприятиях: военная повседневность (1941–1942) // Российская история. 2019. № 5. С. 50–58.
2. Бурдье П. Структуры, *habitus*, практики // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. Т. 1, № 2. С. 44–54.
3. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю. Н. Давыдова; предисл. П. П. Гайденко. М.: Прогресс, 1990.
4. Власов С. А. Повседневная жизнь учащихся и выпускников системы трудовых резервов в Хабаровском крае в годы Великой Отечественной войны // История повседневности. 2024. № 1. С. 96–112.
5. Власова О. В. Молодежные субкультурные общности: образовательные практики в условиях северного города: автореф. дисс. ... кандидата социологических наук: 22.00.04. Сургут, 2014.
6. Воспитательная политика в системе Государственных трудовых резервов СССР. 1940–1958 гг.: сборник документов / авт.-сост. В. В. Дубицкий, Л. В. Захаровский, М. Б. Ларионова, И. В. Осипова, С. Л. Разинков. Екатеринбург: Изд-во Рос. гос. проф.-пед. ун-та, 2024.
7. Давыдов С. Г., Бабаева Е. В. Девиации в трудовом поведении рабочей молодежи СССР в 1940-х годах // Современная научная мысль. 2023. № 1. С. 126–132.
8. Захаровский Л. В. К вопросу о мобилизационном характере государственных трудовых резервов // Научный диалог. 2015. № 8 (44). С. 55–64.
9. Кладов В. Ю. Дезертирство с оборонных предприятий Пензенской области в 1942–1944 гг. // Альманах современной науки и образования. 2015. № 10. С. 55–59
10. Козлова В. Ю. Трудовые резервы страны. Как жили и работали ученики ремесленных училищ и школ фабрично-заводского обучения в г. Молотове в 1941–1942 гг. // Уральская кузница Победы: город Молотов и его жители в годы Великой Отечественной войны: материалы научно-практической конференции. Пермь, 2020. С. 125–136.
11. Ларионова, М. Б., Заглодина Т. А., Разинков С. Л. Социокультурные маркеры как основа для реконструкции портрета учащихся Государственных трудовых резервов СССР // Профессиональное образование и рынок труда. 2023. Т. 11, № 2. С. 65–80.
12. Левикова С. И. Неформальная молодежная субкультура. М.: Вузовская книга, 2010.
13. Мешков Д. Ю. От трудовых мобилизаций к профессиональной ориентации: Советская политика в области трудовых ресурсов 1945 начало 1960-х гг. и ее региональные особенности // Magister Dixit. 2012. № 4. С. 224–235.
14. Мосиенко Л. В. Исследования молодежной субкультуры: аксиологический аспект // Вестник ОГУ. 2011. № 2 (121). С. 236–242.
15. Петухов А. С., Пирогов С. В. Теории практик как методология изучения повседневности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2018. № 41. С. 159–157.
16. Пилкингтон Х., Омельченко Е., Флинн М., Блюдина У., Старкова Е. Глядя на Запад: культурная глобализация и российские молодежные культуры / пер. с англ. О. Оберемко и У. Блюдиной. СПб.: Алетейя, 2004.
17. Постников С. П., Фельдман М. А. Государство и профессиональная подготовка рабочих кадров промышленности Урала в 1900–1940 гг. / Рос. акад. наук, Урал. отд-ние, Ин-т истории и археологии. Екатеринбург, 2004.
18. Серто М. де Изобретение повседневности / пер. с фр. Д. Калугина, Н. Мовниной. СПб.: Изд-во европейского университет в Санкт-Петербурге, 2013.
19. Фильцер Д. Советские рабочие и поздний сталинизм. Рабочий класс и

- восстановление сталинской системы после окончания Второй мировой войны. М., 2011.
20. Хисамутдинов Д. Р. Проблема самовольных уходов воспитанников государственных трудовых резервов Чкаловской области в годы Великой Отечественной войны // Международная научно-практическая конференция. Оренбург, 26–27 мая 2023 г. С. 227–230.
21. Хисамутдинова Р.Р., Хисамутдинов Д. Р. Реализация государственной политики призыва молодежи в систему трудовых резервов в период четвертой пятилетки на территории Урала (1946–1950 гг.) // Вестник Оренбургского государственного педагогического университета. 2022. № 1. С. 168–184.
22. Хрынова Т. А. Мобилизация молодежи в государственные трудовые резервы в 1940–1941 гг. // Вопросы территориального развития. 2013. Вып. 7. С. 1–7.
23. Шюц А. Избранное: Мир, светящийся смыслом / пер. с нем. и англ. М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2004.
24. Элиас Н. О процессе цивилизации. Социогенетические и психогенетические исследования/ пер. с англ. А. М. Руткевич. М.; СПб.: Университетская книга, 2001. Т. 1. Изменения в поведении высшего слоя мирян в странах Запада. 332 с.; Т. 2. Изменения в обществе. Проект теории цивилизации.
25. Kucherenko O. State v. Danila Kuz'mich: Soviet Desertion Laws and Industrial Child Labour during World War II // The Russian Review. 2012. № 71. P. 391–412.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

О настоящем кадровом голоде в нашей стране говорят сегодня, с одной стороны, экономисты, социологи, с другой стороны государственные деятели. К примеру, только в системе правоохранительных органов не хватает 200 тысяч человек. В этой связи представляется важным обратиться к противоречивому опыту советской эпохи, в том числе такое явление, как трудовые резервы.

Указанные обстоятельства определяют актуальность представленной на рецензирование статьи, предметом которой являются самовольные уходы в системе государственных трудовых резервов СССР в 1940–1958 гг. Автор ставит своими задачами рассмотреть историографию вопроса, показать текучесть учащихся системы трудовых резервов, выявить формы нарушений распорядка.

Работа основана на принципах анализа и синтеза, достоверности, объективности, методологической базой исследования выступает системный подход, в основе которого находится рассмотрение объекта как целостного комплекса взаимосвязанных элементов. Научная новизна статьи заключается в самой постановке темы: автор стремится охарактеризовать "самовольные уходы и непосещение занятий как распространенные поведенческие практики поведения, лежащие в основе выделения социальных типов «непародного» портрета учащихся системы государственных трудовых резервов («прогульщик» и «дезертир»)". Научная новизна определяется также привлечением архивных материалов.

Рассматривая библиографический список статьи, как позитивный момент следует отметить его масштабность и разносторонность: всего список литературы включает в себя свыше 25 различных источников и исследований. Источниковая база статьи представлена прежде всего документами из фондов Государственного архива Российской Федерации, Государственного архива Свердловской области, Центра документации общественных организаций Свердловской области. Из привлекаемых

автором источников укажем на труды В.Ю. Козловой, Д.Р. Хисамутдинова, Д. Фильцера, в центре внимания которых находятся различные аспекты изучения истории системы государственных трудовых резервов СССР. Заметим, что библиография обладает важностью как с научной, так и с просветительской точки зрения: после прочтения текста статьи читатели могут обратиться к другим материалам по её теме. В целом, на наш взгляд, комплексное использование различных источников и исследований способствовало решению стоящих перед автором задач.

Стиль написания статьи можно отнести к научному, вместе с тем доступному для понимания не только специалистам, но и широкой читательской аудитории, всем, кто интересуется как системой трудовых резервов, в целом, так и ее трудностями, в частности. Апелляция к оппонентам представлена на уровне собранной информации, полученной автором в ходе работы над темой статьи.

Структура работы отличается определенной логичностью и последовательностью, в ней можно выделить введение, основную часть, заключение. В начале автор определяет актуальность темы, показывает, что "практически сразу же при выполнении плановых показателей зачисления учащихся руководство учебных заведений государственных трудовых резервов столкнулось с побегами, процент которых был значителен". Автор обращает внимание на

"побеги, рассматриваемые как дезертирство, временные самовольные отлучки с возвращением обратно по воле самого учащегося, прогулы учебных занятий и производственных практик, которые могли носить как эпизодический, так и систематический характер и, наконец, опоздания на запланированные правилами распорядка дня мероприятия, включая учебные занятия, физическую зарядку, прогулки и пр." В работе показано, что

"различные формы самовольных уходов и непосещений занятий являются проявлением «непарадности» в среде учащихся с позиции отношения к учебе, выражющимся в желании и намерении учащихся соблюдать (или, наоборот, не соблюдать) базовые принципы пребывания в учебных заведениях".

Главным выводом статьи является то, что "общение поведенческих практик, связанных с побегами и пропусками занятий, позволило выделить такие социальные типы как «дезертир» и «прогульщик», которые и легли в основу одного из векторов «непарадного» портрета учащихся".

Представленная на рецензирование статья посвящена актуальной теме, снабжена 6 таблицами, вызовет читательский интерес, а ее материалы могут быть использованы как в курсах лекций по истории России, так и в различных спецкурсах.

В целом, на наш взгляд, статья может быть рекомендована для публикации в журнале "Исторический журнал: научные исследования".